

УДК 81

АМЕРИКАНЦЫ И ВОЙНА В КНИГЕ МАЙКЛА ГЕРРА «РЕПОРТАЖИ»

ДУРОВ Борис Юрьевич,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка,
современной русской и зарубежной литературы,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена одной из самых известных книг о войне во Вьетнаме – «Репортажам» Майкла Герра, которая в нашей стране почти не привлекала внимание исследователей. В статье обсуждается, как М. Герр показывает повседневное существование человека на войне, влияние войны на психологию американцев и выявляется связь между освоением Запада в XIX веке и вьетнамской войной.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: американская литература, тема войны, война во Вьетнаме, Майкл Герр.

AMERICANS AND WAR IN «DISPATCHES» BY MICHAEL HERR

DUROV B. Yu.,

Cand. Philol. Sci., Docent of the Department of Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature,
Voronezh State Pedagogical University

ABSTRACT. The article is devoted to one of the most famous books about the Vietnam War – «Dispatches» by Michael Herr, which scarcely attracted the attention of researchers in our country. The article discusses the way M. Herr depicts man's everyday life at war, the impact of war on the psychology of Americans and reveals the connection between the development of the West in the XIX century and the Vietnam War.

KEY WORDS: American literature, war theme, Vietnam War, Michael Herr.

И одна книга о войне во Вьетнаме не была воспринята с таким энтузиазмом, как очерки «Репортажи» (Dispatches) Майкла Герра, опубликованные в 1977 году. К этому времени автор уже почти десять лет как вернулся из Вьетнама, где провел одиннадцать месяцев в 1967-68 годах. «Репортажи» мгновенно стали бестселлером и были провозглашены шедевром и точным портретом американцев на войне. Так, например, критик журнала «Ньюсуик» назвал «Репортажи» «лучшей книгой, когда-либо написанной каким-либо американцем о какой-либо войне» [2; 82]. Первых читателей книги привлекла способность автора подняться над спорами консерваторов и либералов о войне и показать войну, лишённую всякого идеологического прикрытия.

Майкл Герр отправился во Вьетнам осенью 1967 года по заданию журнала «Эсквайр». Ему удалось убедить редакцию отказаться от замысла публиковать регулярные заметки и позволить ему показать войну такой, какой он видел ее в течение своего одиннадцатимесячного пребывания «в стране». Журналист постарался отказаться от привычных пропагандистских штампов и, покинув относительно безопасную сайгонскую опочелю, отправился на поле боя. Герр постарался запечатлеть язык, чувства, эмоции войны, и, прежде всего – передать взгляд солдат на войну.

«Репортажи» представляют собой серию очерков, в которых автор подробно рассказывает о событиях, свидетелем которых он был, например, об осаде базы морских пехотинцев в Кхесани в начале 1968 года, касается истории американского вмешательства во Вьетнаме, ландшафта страны, характера вьетнамцев, описывает вездесущую американскую бюрократию и рассказывает о повседневном существовании американцев на войне: их облике, привычках, предрассудках и отношении к войне.

Но Герр представляет эту информацию по-своему, пытается запечатлеть не только образы войны, но и ее звуки: обрывки рок-песен, военный жаргон, реплики солдат и болтовню накурившихся марихуаны случайных собеседников. Книга, которая получилась у Герра, была написана в традициях «нового журнализма» конца 1960-х годов, который предполагал постоянное вмешательство автора-хроникера в описываемые события и постоянное внимание к фигуре автора. Поэтому «Репортажи» – не столько книга о том, что происходило с автором на войне, сколько о том, как писалась сама эта книга.

Сосредоточив свое внимание на подробном изображении людей и событий вьетнамской войны, Герр смог показать своеобразие вьетнамского опыта американцев, причем показать этот опыт в его ежедневном аспекте: «Время от времени мы попадали в вертолет, доставлявший нас в нижние круги ада, но вообще-то в ходе войны наступило затишье, видели мы в основном посадочные площадки и лагеря, всматривались в лица болтающихся вокруг солдат, вслушивались в их рассказы» [1, р. 17]. Майкл Герр, который стал свидетелем самого драматического и кровавого периода этой войны, смог показать то, что составляет повседневное существование человека: стереотипы поведения, привычки, даже суеверия. «Солдаты носили под каской пикового туза, снимали на амулеты вещи с убитых ими солдат противника... Некоторые носили с собой пятифунтовые библии, полученные из дому, кресты, мезузы, образки со св. Христофором, локоны, кушочки белья своих подружек, снимки своих семей, жен, собак, коров, машин... Часто приходилось видеть перед боевой операцией, как солдаты старались сгрудиться вокруг «счастливого» бойца, которого выдумывали во многих частях...» [1, р. 57]. Действие «Репортажей» происходит, как правило, после боя, часто – когда боя не было совсем, и у журналиста появляется возможность увидеть не столько бойцов, сколько людей: «Колонна сворачивала с тропы, солдаты выходили на вырубку и валились с ног, как подстреленные. Сперва они сбра-

сывали рюкзаки, потом делали несколько нетвердых шагов и падали. Некоторые, улыбаясь, смотрели на солнце, как после сна, другие просто лежали лицом вниз, абсолютно неподвижно, только ноги подергивались; радист пересек расчищенную площадку, у командного пункта снял свое снаряжение, положил каску на землю и тут же заснул» [1, р. 178]. При этом объемность запискам журналиста придает его способность увидеть связь, казалось бы, далеких друг от друга вещей. Он показывает неразрывность разных сторон американской жизни 1960-х, укорененность войны в американской жизни. Так, описывая внешность солдата-разведчика, журналист вспоминает свои недавние американские впечатления. Этого солдата автор встретил осенью 1967 года. В Америке недавно закончилось знаменитое «Лето любви», когда внимание всего мира привлекли хиппи с их проповедью мира и любви, казалось бы, бесконечно далекой от реальности войны во Вьетнаме, которая приближалась к своему самому жестокому этапу. Но в восприятии автора возникает их связь: «Он носил золотую серьгу и головную повязку, выдранную из маскировочной парашютной ткани, и ... волосы у него отросли ниже плеч, закрывая толсты багровый шрам. Лицо его было раскрашено для выхода в ночной поиск и казалось кошмарной галлюцинацией. Это не те раскрашенные лица, которые я видел на карнавале в Сан-Франциско всего несколько недель назад: другая крайность того же театра» [1, р. 16].

М. Герр отказывается от хронологической последовательности в рассказе о своем пребывании на войне и стремительно меняет места и темы своего повествования. Этот стиль, очевидно, должен передать особое положение автора на войне: «Некоторых из нас носило по войне, как сумасшедших, пока мы вообще не начинали терять ориентацию и уже не соображали, куда нас тянет течение, кругом была лишь одна война, и мы скользили по поверхности, лишь изредка и случайно окунаясь в нее поглубже. Мы пользовались вертолетами, как такси, и требовалось по-настоящему вымотаться, или впасть в депрессию, близкую к шоку, или выкурить дюжину трубок опиума, чтобы утихомириться хотя бы внешне, да и то под кожей что-то свербило, ни за что не хотело отпустить» [1, р. 18].

Своеобразие «Репортажей» во многом объясняется особенной позицией, которую автор занял на войне: оставаясь журналистом, он постарался стать «своим» среди солдат, лично пережить солдатский опыт. Возможно ли это – спорный вопрос. М. Герр осознает, что он обладает несравнимо большей свободой на войне, к тому же автор стоит на другой социальной и культурной ступени, чем солдаты. Символично, в этом плане то, что М. Герр приехал во Вьетнам корреспондентом «Эсквайра» – журнала для состоятельных интеллектуалов, отличавшегося некоторым оттенком гедонизма: «Эсквайр»! У них есть свой парень здесь! Зачем? Рассказывать, что одеть?» – удивляется солдат, увидев у Герра бирку с названием журнала [1, р. 170].

Несомненным достоинством «Репортажей» является стремление автора понять солдат и выразить их мироощущение: «Я был настолько к ним близок, насколько можно быть близким, не становясь одним из них. И настолько от них далек, насколько позволяли пределы планеты. Одним лишь словом «отвращение» не выразить того, что они у меня вызывали. Но «презрение» – всего лишь одна из красок в картине мироздания, где другие краски – доброта и милосердие. Я думаю, что те, кто говорил, что оплакивают одних лишь вьетнамцев, на

самом деле не оплакивали никого, если у них не нашлось ни слезинки хотя бы для одного из этих мужчин и юнцов, у которых были отобраны или исковерканы жизни» [1, р. 66].

Попав на войну, автор проходит те же стадии в своем отношении к ней, что и солдаты. Так, Герр переживает традиционный для военной прозы момент столкновения со смертью: «Однажды я попал в вертолет, битком набитый покойниками. На трупы просто накинули плащ-палатки, кое-как закрепив пластиковыми завязками, и покидали их в вертолет. Мне расчистили уголок между одним из них и бортстрелком... Когда мы взлетели, по фюзеляжу потянуло ветром, шевелившим и раздувавшим плащ-палатки. Последним резким порывом ветер сорвал накидку с трупа, обнажив его лицо. Ему даже глаз не закрыли.

Стрелок завопил что было мочи: «Поправь! Поправь! Тебе говорят!»

Ему казалось, наверное, что глаза глядят прямо на него, но я ничего не мог сделать. Два раза протягивал рук – и не мог. Наконец собрался с духом, плотно натянул накидку, осторожно поднял труп головы и сунул край накидки под нее» [1, р. 25].

Естественным выглядит и появление в книге такого эпизода, как первый бой, который традиционно истолковывается в военной прозе как инициация через преодоление страха. Этот момент вхождения во взрослую жизнь, правда, представлен в «Репортажах» с некоторой долей самоиронии: «Мы участвовали в прочесывании местности к северу от города Тэнин, в сторону границы с Камбоджей, и ярдах в тридцати от нас разорвалась мина. Мы рухнули на землю, и шедший впереди солдат заехал мне каблук в лицо. Я не понял, что произошло, не ощутил удара по лицу, потому что в этот момент грузно ударился о землю всем телом, но почувствовал острую боль выше глаз. В двадцати ярдах от нас метались обезумевшие люди. К тому времени я нащупал свой нос и понял, что случилось. Все у меня было цело. Я взял у парня флягу и смыл с губы и подбородка запекшуюся кровь. Парень перестал извиняться. На его лице не было и следа жалости» [1, р. 37].

М. Герр настаивает, что такой подход позволил ему максимально близко подойти к пониманию того, чем Вьетнам был для американцев. «За всеми этими годами споров осталась сама война, не доступная логике. Герр осмелился поехать туда и вернуться с худшей из возможных новостей: войны продолжаются, потому что нравятся людям» [3, р. 35], – написал один из первых рецензентов. Этот восторг от повседневного столкновения со страданием и смертью, как круги расходятся среди американцев и европейцев, оказавшихся во Вьетнаме. «Огрубелость воображения и чувств усугублялась... непреходящим беспокоящим ощущением, что в один прекрасный день война окажется много ближе к тебе, чем до сих пор. А замешен этот страх был на зависти – то скрываемой, то демонстрируемой – к каждому пехотинцу, который хоть раз был «там» и собственными руками прикончил «гука» – этакая подленькая заочная кровожадность, восседающая за добрым десятком тысяч канцелярских столов...» [1, р.47], – такими журналист увидел вполне штатских американцев, которые приехали помогать Вьетнаму.

Автор «Репортажей» показывает, как ежедневное соприкосновение с насилием подчиняет себе всех, даже тех, кто ни разу не стрелял, поэтому такие фигуры, как бельгийский журналист, с упованием вспоминающий гору трупов, сваленную американцами посреди вьетнамской деревни, регуляр-

но появляются в книге. Война привлекает собеседников журналиста возможностью освободиться от давления цивилизации и безнаказанностью убийства. «Врач расхвастался при мне, что отказался пустить к себе в больницу раненого вьетнамца. «Господи боже, вы же давали клятву Гиппократу!» – вскричал я, на что у врача был заранее готов ответ: «Да. Но я давал ее в Америке». Однажды я познакомился с полковником, предлагавшим ускорить завершение войны, сбросив рыб пиранья на рисовые поля Северного Вьетнама. Полковник говорил о рыбе, а в мечтательных его глазах стояла многомиллионная смерть» [1, р. 60], – вспоминает журналист обычные разговоры в Сайгоне. Это упоение насилием обращается на самих американцев, заставляя их убивать друг друга. «Однажды в Кхесани солдат морской пехоты открыл дверь уборной и был убит на месте взрывом подвешенной к двери гранаты. Командование пыталось свалить происшествие на просочившихся в лагерь диверсантов, но солдаты знали, что произошло на самом деле: «Да вы что, в своем уме? Станут гуки рыть тоннель, только чтобы пробраться в лагерь и заминировать сортир? Кто-то из наших чокнулся» [1, р. 58].

«Репортажи» писались в первой половине 1970-х годов, когда была еще свежа коллективная память американцев о войне, и книга М. Герра с особой силой передает присущее американцам восприятие этой войны как наваждения, кошмара, от которого невозможно освободиться. Мотив нарушенной связи между реальностью и поведением американцев на войне постоянно возникает в тексте. «Целые дивизии действовали как в кошмарном сне, проводя заумные операции без всякой логической связи с их основной задачей», – пишет автор [1, р. 55]. От кошмарного сна вьетнамской войны невозможно освободиться, и, как всякий сон, Вьетнам невозможно понять, поэтому для автора символический смысл приобретает загадочная история, услышанная от случайно встреченного разведчика: «Патруль ушел в горы. Вернулся лишь один человек. И скончался, так и не успев рассказать, что с ними произошло» [1, р. 16].

В книге М. Герра, как и у других американских авторов, возникает вопрос, вынесенный Н. Мейлером в заглавие его книги: «Почему мы во Вьетнаме?» Непрямым ответом в «Репортажах» становятся многочисленные упоминания об индейских войнах. О них вспоминают офицеры: «Пошли, – сказал капитан, – возьмем вас поиграть в ковбоев и индейцев» [1, р. 60]. Об эпохе «фронтира» напоминает кинематограф. ««Киномифология – «Форт Апачей»; Генри Фонда, новоиспеченный полковник, говорит Джону Уэйну, тертому калачу: «Мы видели группу апачей, приближаясь к форту», на что Джон Уэйн отвечает: «Если вы их видели, сэр, то это не апачи». Но полковник одержим, отважен, как маньяк, и не очень умен. Вестпойнтовский пижон, чья гордость и перспективы карьеры омрачены назначением в эту дыру в Аризоне, и утешает его только одно: он – профессиональный военный, а другой войны у страны сейчас нет. Он оставляет без внимания советы Джона Уэйна, в результате чего погибает, таща за собой половину своих людей. Не столько вестерн, сколько фильм о войне. И очень похоже на войну во Вьетнаме. Только Вьетнам – это не кино, не мультяшка с приключениями, где герои попадают из переплета в переплет, где их пытаются током и швыряют в пропасти, потрошат и опять зашивают, бьют на куски, как посуду, и ничего с ними не случается – вот они снова живы и здоровы, пройдя огонь, воду и медные трубы» [1, р. 48], – так пере-

дает М. Герр свои впечатления от классического фильма Джона Форда, увиденного в Сайгоне в конце 1967 или начале 1968 года. Наконец, сам автор прямо указывает войну во Вьетнаме как на продолжение движения за запад и уничтожения индейцев: «Все спорили, пытались определить момент, когда все, если так можно выразиться, пошло вразнос, но к единому мнению не приходили. Но можно ли вообще определить точку отсчета роковых событий? Можно просто сказать, что «Тропа слез» только и могла привести к Вьетнаму, к поворотному пункту, где события замкнулись в круг. Можно увидеть корни вины еще в тех предках нынешних американцев, которые сочили леса Новой Англии слишком неудобными и необжитыми и заселили их дьяволами собственного изготовления» [1, р. 51]. «Тропа слез» – поход согнанного с родных земель племени чероки из Джорджии в Оклахому, во время которого погибло более четырех тысяч индейцев.

Но значение «индейских» аллюзий не только в том, что они создают историческую перспективу, но и в том, что они воскрешают представления, связанные в американской культуре с эпохой освоения Запада, когда граница между освоенными и неосвоенными территориями постепенно сдвигалась от Атлантического к Тихому океану. Эта граница, «фронтир» – не только место взаимодействия белых и индейцев, но и шанс на избавление от цивилизации, на бегство от нее, и тема бегства является одной из важнейших в американской литературе от Ф. Купера и М. Твена до Д. Эслинджера. При этом, если дикая природа и индейцы вызывали ненависть пуритан как носители темного, злого начала, то и пересечение «фронтира» означало не только пересечение в пространстве, но и освобождение от цивилизации, от ее законов, в том числе и от контроля разума, и высвобождение подсознательных импульсов, часто связанных с насилием. Конфликт национального характера американцев – конфликт между требованиями цивилизации, носителями которой ощущают себя американцы, и желанием освободиться от этого контроля. Попытки насадить цивилизацию во Вьетнаме изображаются в «Репортажах» глубоко скептически. «На этой войне даже не казалось противоречивым, что самое острое чувство стыда оттого, что ты – американец, ослабевало по мере того, как ты покидал служебные кабинеты, переполненные никогда никого не убивающими, стремящимися лишь к добрым делам людьми, и оказывался в джунглях среди солдат, говорящих только об убийстве и все время убийства совершающих» [1, р. 45], – замечает М. Герр. Сам автор вовлечен в этот конфликт, и если можно говорить о развитии его образа в «Репортажах», то это движение от цивилизованности к осознанию своего родства с «настоящими» людьми – теми, кто не скован условностями и осознание своей собственной агрессивности. «Первая ночь наступления «Тэт» застала нас в лагере частей специального назначения, расположенном в Дельте. В тот момент я не был журналистом, я был стрелком. <...> Потом оказалось, что ночь уже прошла, и я гляжу на разбросанные вокруг меня расстрелянные обоймы, понимая, как трудно понять даже самого себя. За всю свою жизнь не припомню, чтобы когда-нибудь чувствовал себя таким уставым, таким изменившимся, таким счастливым» [1, р. 66].

Вьетнам в изображении М. Герра как бы становится продолжением «Дикого Запада» с его беспредельной свободой и возможностью реализовать свои невысказанные желания, какими странными бы они ни были. Вновь разбитый лагерь «в сердце ин-

дейской страны» морские пехотинцы называют «Loop», что более или менее свободно можно перевести как «дурдом». «Так нужно было назвать всю страну», более подходящее, чем Вьетнам, название, чтобы описать это пространство смерти и жизнь, которую вы находили внутри» [1, p. 220].

М. Герр обнаруживает во Вьетнаме представителей особого американского типа – одиночек, отщепенцев, которые в душе ненавидят любую цивилизацию, своеобразных наследников Кожаного Чулка, в компании которых он чувствует себя своим: «В Сайгоне и Дананге мы часто курили зелье вместе и общими усилиями пополняли хранили совместный запас. Он был нечёрпаем, вокруг него кишмя кишели разведчики, диверсанты, «зеленые береты» – хвастуны, снайперы, насильники, палачи, мастера оставлять женщин вдовами, любители громких кличек – классическая основа основ Америки – одиночки, индивидуалисты, какими они были запрограммированы еще в генах» [1, p. 39]. М. Герр заставляет нас увидеть оборотную сторону классического куперовского образа: Кожаный Чулок свободно чувствует себя только там, где он возвышается над дикарями. Хотя автор книги не формулирует эту мысль, она очевидна: американцы оказались во Вьетнаме не столько ради «демократии», сколько из-за стремления повелевать, которое неразрывно связано с насилием – не случайно, выразителями американского духа оказываются «насильники» и

«палачи». Америка пришла во Вьетнам под влиянием своей глубоко спрятанной ненависти к цивилизации и желания разрушать. Из всех авторов, писавших о войне во Вьетнаме, М. Герр отчетливее других показал подлинное значение этой войны для американцев: это было освобождение дикаря. Постепенно М. Герр поднимается над этими разрозненными повседневными впечатлениями и осознает, что ему удалось найти то, что объединяло всех американцев на войне: «Но в какой-то точке все эти неисповедимые тропы сходились – от эротических сновидений самого низкопробного джонзуйновского типа до самых разнузданных фантазий опоэтизированной солдатчины. И в этой точке каждый из нас знал все без утайки о любом другом – что все мы здесь на самом деле по собственной воле» [1, p. 27].

Война во Вьетнаме ознаменовала разрыв Америки с рационалистической традицией, в рамках которой формировались Соединенные Штаты. Не является совпадением то, что вторая половина шестидесятых годов и в самой стране была связана с критикой разума и с призывами вернуться к «подлинному человеку». «Репортажи», как нам представляется, помогают подойти к ответу на вопрос, почему война во Вьетнаме даже спустя полвека продолжает тревожить американцев. Не столько потому, что Америка «в первый раз проиграла войну», сколько потому, что американцы в первый раз увидели свое подлинное лицо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Herr, Michael *Dispatches* / Michael Herr. – N. Y.: Alfred A. Knopf, 1977. – 224 p.
2. Prescott Peter *In the Quagmire: Review of «Better Times Than These»* / Peter Prescott. – Newsweek, June 19, 1978. – P. 82.
3. Sale Roger *Hurled into Vietnam* / Roger Sale. – New York Review of Books. – Dec. 8, 1977. – P. 35.